

Дмитрий Стеклов

Иллюзия Константы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Стеклов
Иллюзия Константы

«Автор»

2026

Стеклов Д.

Иллюзия Константы / Д. Стеклов — «Автор», 2026

Законы физики, уютные улицы и привычное течение времени — это просто декорации. Иллюзия константы, защищающая нас от подлинного лица вселенной. Но мембрана между мирами тоньше, чем кажется. Однажды граница рвется, и двенадцатилетний подросток проваливается в изнанку реальности — холодный, brutальный мир бетонных лабиринтов и хищных теней. У него нет оружия, нет понимания происходящего, есть только отчаянное желание вернуться. Чтобы выбраться, ему придется довериться Проводнику — человеку с автоматом на столе и тяжелым прошлым, который слишком хорошо знает: на Изнанке ничто не является тем, чем кажется. Даже ты сам.

© Стеклов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Кругом пыль	5
Глава	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дмитрий Стеклов

Иллюзия Константы

Глава 1

Кругом пыль

1. Моей самой большой ошибкой был страх совершить ошибки.

2. – Река Или? – Но у вас же есть река Одер!

Интро

С этой стороны площадь просматривалась лучше всего. Здесь царила предвечерняя суэта, моя позиция возвышалась над людским потоком. Он огибал *наблюдательный пункт*, не мешая обзору. Прохожие бросали взгляды на потёртый милицейский «стакан» (хм, ещё вчера его здесь не было), и тут же устремлялись дальше. «Подумаешь, вчера не было – теперь есть» Но меня интересовали не они, а некий конкретный объект, чётких представлений о котором я пока не имел. Всё, чем я располагал, это характерный всплеск в эфире, пакет импульсов, захваченный моим пеленгатором. Сигнал не прервался через несколько минут после появления – как бывало прежде. Трансляция шла именно отсюда, она продолжалась необычайно долго. Я не мог упустить такого подарка судьбы.

Источник находился внутри здания с вывеской «Одежда», так показала аппаратура. Он постоянно перемещался. А теперь – направлялся к выходу

Глава 1

Мальчик вышел из здания, на секунду задержался у стеклянной двери, огляделся. Ухоженный, чистенький подросток лет двенадцати, возможно, чуть меньше. Волосы каштановые, коротко-стриженные – если не считать модной удлинённой чёлки, почти закрывающей поллица. Её он время от времени отводил рукой и осматривался. На нём был серый костюм (по моему, это называется «твид»): расстёгнутый кургузый пиджачок, под пиджаком – бежевая рубашка. Приличные, но порядком измятые шорты чуть выше колен. Блестящие пуговицы на краях штанин.

Вот он спустился по ступенькам, едва заметно вжимая голову в плечи.

Это был несомненно он – предмет моего интереса. Как я об этом догадался? Во-первых, подросток пристально вглядывался в людей. А во-вторых, сами люди смотрели словно бы сквозь него, словно они мальчика не видели. Не могли видеть? Или не хотели? В любом случае, он это прекрасно понимал.

Ну а в-третьих – он постоянно держал руку на груди, как будто перебирал что-то пальцами под рубашкой. Нетрудно было догадаться: интересующая меня вещица находилась именно там.

Подросток пересекал площадь. В том момент, когда он добрался до её середины, я открыл дверь кабины и направился к магазину «Одежда». Мне надо было приблизиться к мальчику так, чтобы он не отреагировал раньше времени. Если испугается, если побежит – его уже не спасти, (возможно, и меня тоже). В любом случае, я потеряю добычу. Сейчас моей задачей было – припугнуть пацана, но *в меру* – не доводя ситуацию до критического уровня. Поэтому, я выбрал направление под некоторым углом к его траектории. Я не смотрел на него, а когда мой взгляд попадал на него, старался фокусироваться на зданиях, деревьях и прочих предметах за его спиной.

Я мог бы фокусировать свои глаза также и на людях, если бы они уже не исчезли к тому моменту. А это значило, что фаза «А» уже пройдена. Фаза «Б» была на подходе. Оставалось всего каких-то две-три минуты.

Проходя мимо мальчика, я вдруг резко повернул голову и посмотрел на него в упор. Этого было достаточно, чтобы он вздрогнул и замер.

«А а» – выдавил он, тараща на меня глаза.

Он явно был ошарашен – не просто удивлён. Избыточная реакция? Это меня слегка озадачило. Но я вспомнил, как люди реагировали на мальчика, сопоставил факты и кое-что сообразил.

– Да, я вижу тебя, – сказал я, стараясь говорить спокойно и расслабленно.

У меня на секунду возникло ощущение, что он готов сбежать. Поэтому я решил сразу начать разговор с самой сути:

– Посмотри вокруг. Странное что-то происходит, не находишь?

Он огляделся и застыл в недоумении.

– Куда они все подевались? – пролепетал он секунду спустя.

– Долго объяснять, – ответил я ещё более ровным тоном, – но если хочешь жить, тебе бы лучше скрыться куда-нибудь.

– Куда?!

– Лично я уберусь в свою будку, и закроюсь там. Потому что очень скоро здесь появятся *другие*. А ты – как хочешь.

Я повернулся и зашагал к своему убежищу. Как я и предполагал, «*другие*» произвели на мальчика впечатление. Он сразу же бросился за мной, зашёл вперёд и пятился, пытаясь задавать мне сразу много вопросов. Речь его была сбивчивой, беспорядочной, и это начинало действовать мне на нервы.

Я остановился. Это стоило некоторого напряжения сил, потому что время катастрофически убывало. Надо было бежать. Желательно, сломя голову. Но сейчас важнее было – выглядеть абсолютно спокойным. Испуганный ребёнок не сможет определить, откуда явится смертельна угроза. И помчится от спасителя прямо в лапы хищника, если спаситель суетится и пугает своим видом. Вспомнился случай из детства. Приблудный детёныш оленя, которого мы пытались вырчить, направить к лесу, кинулся от нас через забор и пропорол себе брюхо.

А между тем до фазы «Б» оставались считанные секунды. Проявились знакомые признаки: на языке – стальной привкус, мушки в уголках глаз. И ещё этот, почти неразличимый шум в ушах: скрип и звон. И даже нечто похожее на хруст французской булки. Или мне только так казалось, и я опережал события?

– Ну хорошо, – сказал я, – пересидишь в будке. Потом посмотрим.

Мальчику не надо было знать, что это «пересидишь» может затянуться очень надолго.

Я открыл дверь и пропустил его вперёд. Мальчишка заскочил внутрь так резво, что я понял, ему действительно страшно. *Траверс (он же – переброс, он же – трансфер)* серьёзно действует на психику и заставляет неосознанно поджаться. Теперь в воздухе проявилось гудение, на самой грани слухового порога, и вдруг струна оборвалась. Тишина. Второй этап перехода завершился.

Я спокойно (хотя меня так и подмывало ускориться) закрыл дверь, повернул ручку замка. Лязгнул металл. Я поморщился – давно пора промазать маслом петли, да всё руки не доходят.

– Здесь они нас не достанут, – спокойно произнёс я. На этот раз действительно спокойно. В надёжности своего убежища я был уверен.

– Кто?! Кого «они»?

– Сейчас сам увидишь. Все вопросы – потом. Сразу предупреждаю, сюда они не заберутся ни при каких обстоятельствах. Прочность этого укрытия максимальна.

– Простая будка!

– Это не будка. Можешь мне поверить, – ответил я, оглядывая интерьер.

Изнутри это всё выглядело именно как простая будка (впрочем, как и снаружи). Примитивное сооружение двух с половиной метров в диаметре. Стул с клеёночатою обивкой. Простоватый стол с остатками моего завтрака, чайник на электроплите. Под столом – шкафчик-тумбочка. Справа от стола свёрнутый тюфяк, слева вместительный рундук. За ним – чемодан с металлическими углами. В общем-то и всё.

По периметру – четыре окна на все стороны. На одном из них – цветок в пластмассовом горшке (привет Штирлицу). В стене – кран с раковиной. Оттуда раздражающе-назойливо капала вода (на чердаке я недавно установил бак на пятьдесят литров).

– В окно смотри спокойно, – сказал я, – оттуда ничего не увидят.

– Это стекло с односторонней видимостью?

– Соображаешь, – одобчительно сказал я. И тут же увидел, что мальчик слегка улыбнулся – совсем немного, краем губ. Беспомощная такая, трогательная улыбка Э нет! Сантименты – это последнее, что мне нужно было в данной ситуации.

– Ааа – вот и первый персонаж, – сказал я. Малец резво повернулся в ту сторону, куда был направлен мой взгляд, – Но на этого не надо смотреть, вообще. Даже отсюда.

– Кто это?

– Ну, если тебе так интересно, то в моём каталоге он прописан как ЧСДГ, «человек с добрыми глазами». Тебе, парень, повезло, этот один из самых лютых.

По безлюдной площади медленной походкой, не лишённой изящества, шагал приличный гражданин, одетый в строгий коричневый костюм. Он был в шляпе. Не доставало только трости.

– Отведи глаза, говорю!

– Он нас видит?

– Не видит, но достать может.

– Как достать?

– Психически.

– Он что ли, гипнотизёр?

– Не гипнотизёр. *Гипнофор* – более подходящее слово.

– А что он делает?

– Развлекается время от времени.

– Как развлекается?

– По-разному. Может, например, заставить тебя сожрать твою собственную руку. И ты это сделаешь, будь уверен, да ещё и с великой радостью.

– Я что, дурак? Не буду я

– Ты не дурак. Но если он тебя зацепит, то станешь делать всё, что он прикажет. Кстати, как тебя зовут? А то мы даже не познакомились. И смотри на меня, когда мы разговариваем. А то как-то невежливо.

– Юра.

– Я Егор. Ну, так вот, Юра, объясняю. Глаза – это единственное, что можно в нём назвать «добрым». Но этими своими глазами он тебя и уделает. Гипнозом я бы это не назвал. С твоей стороны это будет – преданность и любовь. Ты не «с крыши в крапиву», ты с двадцатиэтажного дома на асфальт прыгнешь – для этого дяди. И ты, даже летя вниз, будешь обожать его, кричать его имя (имя по дороге сам придумашь). Но только нет у него никакого имени.

Юра замолчал, обдумывая мои слова.

Тем временем человек в коричневом костюме остановился как раз на том месте, где я встретился с мальчиком. Замерев, он будто приняхивался.

– Он чует меня? – спросил Юра дрожащим голосом.

– Там – да. Здесь – нет. Ты оставил свой запах. Дорожку из феромонов. Сейчас он по ней и пойдёт.

Человек двинулся по следу, остановился около двери. В маленьком смотровом окошке, маячила только верхушка шляпы.

– Юра, сядь пока сюда, – сказал я, укладывая чемодан плашмя на пол.

Мальчик уселся на него и закрыл лицо руками, опираясь на стол. Его заметно трясло.

– Я видел его глаза, – прошептал он.

– Когда успел?

– Когда он шёл сюда. Он меня тоже увидел!

– Не увидел, не выдумывай.

Однако, ситуация была нехорошей. И дело даже не в том, что мальчик получил некоторую дозу «преданной любви» – защита работала против таких воздействий. Однако, у человека оставалось зрение. Глаза ловили и передавали в мозг паразитную информацию, которую порождали мелкие движения хищника, мимика «лица», жесты, ужимки. Они запускали скрытые механизмы психики и заставляли её вибрировать в резонанс с гипнофором. Но гораздо хуже то, что теперь ЧСДГ – зацепился за пацана своей невидимой нитью, и оборвать её будет затруднительно. Тварь ощутила встречный поток вибрации, а кроме того, запах! Запах жертвы. Теперь Юра у него в картотеке, и изъять эту запись уже невозможно.

Но будем надеяться на лучшее. Какой ещё может быть выход в подобной ситуации?

Внезапно мальчик соскочил с чемодана, уселся мне на колени и обнял меня за шею.

– Началось? – спросил я его, – Чувствуешь?

Он молчал.

– То самое, о чём я тебе говорил.

Молчание. Я ощущал, как сердце мальчика отчётливо стучит под рубашкой.

– Да. Я понял, – вдруг ответил он.

– Видишь его глаза, думаешь о нём?

– Да, – чуть ли не с отвращением ответил мальчик.

– А в меня почему вцепился?

– Да откуда я знаю! – вдруг выкрикнул он.

– Ладно, брат, извини, – сказал я, – всё нормально. Он достал тебя – но совсем немного.

Пострадаешь пару часов от неразделённой любви, и всё пройдёт.

Мальчик посмотрел на меня. Взгляд его слегка плыл. Неожиданно он улыбнулся и чмокнул меня в щёку. Я поморщился.

– Забей, я в порядке, – сказал он, спрыгивая на пол. Повернулся к двери и показал средний палец шляпе, которая маячила в окошке.

– Ну, значит, самое время убираться отсюда, – сказал я. И полюбовался озадаченным видом своего собеседника. Полетели?

– Эээ, в смысле – полетели? Куда?

– Ты не спрашиваешь «как»?

– Как?

– Знаешь что это такое? Ты сказал, что это "будка"?

– А что это?

– Самый настоящий «пепелац с гравицапой». Это не милицкий «стакан», родной, – произнёс я голосом артиста Яковлева, – Это транспортное средство.

Я нащупал под столом кнопку, и столешница разъехалась в стороны, обнажая свою скрытую сущность: пульт с двумя рукоятками управления.

Хорошо было бы, улетаая, прожарить то существо, что кругами ходило вокруг моего «стакана». Но местные хищники порой обладают звериным чутьём. Как только «пепелац» начал разогреваться (на это после А и Б-перехода требовалось некоторое время), коричневый чудик припустил вскачь и очень скоро скрылся за углом ближайшего здания. Здания эти, кстати, уже давно успели потерять свои земные очертания, что и должно было произойти после второй фазы. Теперь это были серые одинаковые призматические строения – минимум излишеств, максимум функциональности. Проемы входов, то зияющие пустотой, то прикрытые ржавым подобием дверей – и редкие глазницы окон.

Мой кораблик оторвался от земли и поднялся на тридцать пять метров. Юра вцепился руками в чемодан, но держался вполне достойно.

– Двинулись, – сказал я.

И мы двинулись.

«Земля, прощай! В добрый путь»

Когда я снова надвинул столешницу, а «пепелац» уже лёг на траекторию, я повернулся к мальчику и постарался тепло улыбнуться. От такой мимики я уже давно отвык, она давалась мне с трудом.

– Теперь я тебе объясню, что происходит. Постараюсь, чтобы дошло с первого раза. Ты понял?

Он кивнул.

– То, что у тебя висит под рубашкой Кстати – давай положим эту штуку сюда.

Я открыл тумбу под столом и достал оттуда освинцованную коробку с крышкой. Раскрыл её и протянул Юре.

Когда он расстегнул пуговицы, я наконец-то увидел ту самую вещицу, на поиски которой потратил несколько лет своей жизни.

На худой мальчишеской груди висел медальон. Плоская семиконечная звезда мутно-лилового цвета. Такому экспонату не найдётся места в коллекции даже самого мелкого фалериста-любителя. Ни блеска, ни лаковых переливов.

И одновременно – самая опасная штука, которую я когда-либо видел. Не сама побрякушка – опасность таилась внутри, под латунной оболочкой.

Мальчик снял с шеи игрушку. А я перехватил его руку, и положил медальон в мою шкапку (аверсом вниз – непременно вниз), которую тотчас же и захлопнул.

– Теперь рассказывай, – попросил мальчик.

Я молчал. Требовалось выдержать некоторую паузу.

А теперь пора травить байку. И чем более замысловатой она будет, тем лучше.

– Представь себе, что ты отколол от большой глыбы льда маленький кусок. И кинул его в горячую воду. Что будет?

– Растает.

– А вода?

– Охладится.

– Правильно. Но кусок льда теперь сам превратится в воду. Так?

– Так.

– Смешается с водой, и теперь никак его из этой воды обратно в лёд не превратить – так, чтобы это был тот же самый кусок. Ты понял?

– Причём здесь лёд?

– Теперь ты – как этот кусок льда. Вот эта штука на цепочке (где ты её раздобыл, ты мне расскажешь позже) как раз и отколола тебя от большой глыбы и бросила сюда – в воду.

Он смотрел на меня в полной растерянности. Такое обилие метафор его сбilo с толку. Меня это, в свою очередь, совершенно устраивало. Избыточная информация. Моя цель – не пояснить ему, что происходит – этого он может не вынести, а забить медийные каналы словесным мусором. Не хватало мне, чтобы он тут умом тронулся.

– Это я образно говоря, – объяснил я Юре, – чтобы ты не впал в истерику раньше времени.

Он вдруг осознал скрытый смысл моих иносказаний.

– Я не смогу вернуться домой. – Это был не вопрос. Это была догадка, утверждение. В глазах мальчика стояли слёзы.

– А это мы ещё поглядим.

Он посмотрел на меня с такой надеждой, что у меня перехватило дыхание. Совсем чуть-чуть перехватило, но всё-таки.

– Теперь нарисую другую картинку, – продолжал я, – представь, что наш мир плоский, и ты живёшь жил в этой плоскости. Но выше неё находится другая плоскость, очень близко, но не достать, – (Я показал две ладони – одну над другой), – Скажу тебе даже больше – это не плоскость, а такая кривая поверхность. Но это неважно. Главное, что наша поверхность с ней не пересекается. И вдруг ты находишь лифт, который постепенно поднимает тебя туда,

на новый уровень. Вот этот самый «лифт» (кивнул в сторону шкатулки). Сначала ты вдруг с радостным удивлением обнаруживаешь, что люди тебя не видят, и ты можешь вытворять всякие штуки. Кстати, что ты делал в том магазине? Ну, в том, около которого я тебя встретил.

– Смотрел в раздевалки, – он опустил глаза и покраснел.

– В примерочные кабины?

– Да.

– Прибарахлился там же? Такой костюмчик – вещь недешёвая.

– Нет, это мой – из дома.

– И вот пока ты пялился на раздетых тёток, в это время лифт переносил тебя на другой этаж – тихо-тихо. Но неотвратимо. Когда исчезли люди – ты пересекал перекрытия между этажами. Это называется фаза «А». Здесь мы теряем связь с прежним миром, но ещё видим его неживую часть. Вся недвижимость: дома, улицы. Деревья – хотя это живые объекты, мы тоже видим – но уже смутно. Они расплываются. Будто сжимается время. Людей и животных мы не видим совсем. Они растекаются по времени абсолютно.

– А теперь что ли фаза «Б»? – догадался мальчик.

– Именно так. Фаза «Б». Приезжаем на этаж выше. Здесь нас встречают другие жильцы, аборигены. Свой мир они знают вдоль и поперёк. Не наше дело критиковать их порядок жизни – чем они питаются, например. Но, так уж получается, что ты для них даже не пища – всего лишь приправа к обеду. Или к ужину – что у них там по расписанию в четыре часа вечера?

– Они хотят меня съесть?

– Нет же, объясняю тебе. Ты, скорее, что-то наподобие специй. Или даже вроде какой-нибудь сладкой музыки в ресторане. Ну, как-то так. Только в нашем ресторане посетители не убивают музыканта, а эти убивают. Да ещё и самым неопрятным способом.

– А едят-то они что?

– На этот счёт я пас. Это тебе надо других людей поспрашивать. Знаю только, что физиологическая потребность тех тварей – это влезать тебе в голову. В каждом мире свои правила, знаешь ли. У меня нет времени разбираться в их мотивах. Моё дело – вытащить тебя отсюда. Тебя и таких, как ты неудачников.

– А кого ещё? Тут ещё кто-то есть? – он посмотрел на меня в изумлении.

– Да, Юра, представь – не один ты такой везучий. Я тебя ещё познакомлю.

Наш летучий корабль замедлил ход и начал снижаться.

– Прилетели, – сказал я, заметив, что мальчик вертит головой, вглядываясь в каждое окно по очереди.

– Неудобно, – отозвался он, – не видно низа.

– Сейчас будет видно – ответил я, отодвигая стул и поднимая с пола кусок линолеума. В самом центре был прозрачный круглый люк, с утопленной в прорези задвижкой.

– Он из стекла?

– Тексолит, – ответил я, стукнув пяткой, – по прочности не уступает стали. У нас на родине он белый, а тут – прозрачный. И прочный, как сталь. А насчёт моего транспорта Он у меня новый – три недели всего. Я даже обустроить его не успел. Сюда бы хорошо диванчик ещё поставить. А то иногда охота вытянуть ноги – и приходится раскатывать тюфяк по полу. Ну всё, мы прилетели.

Юра, раскрыв рот, смотрел, как снизу к нашему аппарату подплывает серая площадка с таким же круглым прозрачным люком посередине.

Аппарат слегка покачнулся (стыковка завершена) и застыл, как монумент. Я вытащил задвижку, поднял первый люк. Второй, закрывающий окно на крыше, дёрнулся и тоже опустился. Под нами оказалась металлическая вертикальная лестница, на которую я ступил первым.

– Тут безопасно, но лучше проверить. Не хотелось бы сюрпризов.

Юра молча кивнул. Я понял, что теперь мой «стакан» ему казался самым надёжным местом в мире. Впрочем, так оно и было.

Быстро осмотрев все помещения дома, я вернулся и помог мальчику. Точнее, просто немного подстраховал его. Спустился он довольно ловко, с третьей ступеньки просто прыгнул на пол.

– На незнакомую поверхность, лучше ступать осторожно – какой бы надёжной она ни казалась. Шутки кончились, Юра.

– Ладно.

– Теперь я тебе покажу дом. Тут тебе и безопасность, и комфорт какой-никакой.

– Сколько тут этажей?

– Так-то два, но первый этаж я не занимаю, там только гараж с вездеходом. Никакого сообщения между этажами нет. Чтобы сесть в вездеход, нужно выкатить его дистанционно – по радио, отогнать подальше от дома, а потом сделать то же самое, что мы сделали сейчас: посадку и стыковку. Потом аппарат на автопилоте возвращается на крышу, а мы путешествуем уже на колёсах.

– Кто это «мы»?

– Ну, раньше были «мы», теперь только я. Когда придёт время, узнаешь больше.

– А почему ты просто не спустишься в гараж по лестнице?

– Я же тебе говорю – никакой лестницы нет. Никакой дыры между этажами – даже самой маленькой. Именно поэтому тут безопасно. Единственный вход – на крыше. Люк прочный – не пробить.

Мы стояли посередине прямого коридора, в который выходило двенадцать дверей: по шесть с каждой стороны.

– Гостиная – она же столовая, библиотека – она же мой рабочий кабинет, кухня, три гостевые комнаты – на пять человек (но можно при желании разместить и десяток), – я показывал мальчику двери в первой половине дома. Затем мы повернулись в другую сторону.

– Ванная – она же туалетная комната, мои апартаменты, кладовая (очень вместительная, запасы полагается держать на случай длительной осады), аппаратная (тут бойлер и всё жизнеобеспечение дома), оружейная

– Оружейная?

– Ну конечно оружейная. Надо же где-то хранить оружие. Но здесь же и техническое помещение: инструменты, особо ценные приборы. Эта дверь самая надёжная – как у банковского сейфа. Слушай, тебе ведь надо привести себя в порядок. Иди в ванную, вымойся как следует. Я тебе пока одежду подберу: твой костюмчик не очень подходит к местным условиям.

– А что, у тебя любая одежда есть?

– Ну, не любая, но кое-чем обзавёлся. С переброской *вещей* проблем нет. В смысле, с переброской неживых предметов туда-сюда.

– А с переброской живых?

– Вот в этом-то и трудности, Юра. Если я прямо сейчас попробую вывезти тебя домой, то доберётся только твой, извини, бездыханный труп. Это касается и животных тоже. А вот растения почему-то добираются невредимыми.

Он смотрел на меня с кислым выражением лица. И вдруг осознал весь смысл сказанного.

– Так ты уже перебрасывал.

И замолчал, не найдя слов.

– Да, брат. Я уже Я уже видел, как это бывает. Неприятное зрелище. Я попытался вывезти отсюда человека. Потом несколько раз пробовал перевезти животных. Хотелось бы ещё попробовать на ком-нибудь из местной фауны – ну ты видел. Только к ним, заразам, просто так не подберёшься. Живыми они не даются.

Мы помолчали. Наконец Юра решился спросить:

– А сам ты почему сохраняешься?

– Не знаю. Но эта штука (я ткнул пальцем в направлении потолка) переносит живым туда и обратно только меня Иди пока в ванную.

Я открыл ему дверь, и он зашёл. Судя по его виду, мысли у него в голове были не слишком весёлые.

В кладовой я выбрал мальчику костюм, более подходящий для местных условий, а потом отправился на кухню и приготовил ужин. Нам требовалось восстановить силы. Юра плескался в ванне и вроде бы даже что-то напевал, или бурчал себе под нос. Дверь в ванную оставалась слегка приоткрытой – я думал, что его напрягала перспектива остаться одному в запертом помещении. Наконец раздалось шлёпанье босых ног, и он зашёл в кухню, завёрнутый в огромное банное полотенце, его углом Юра продолжал вытирать голову.

– Пойдём, я тебе одежду дам, – сказал я, – одежда свежая, не ношенная.

– С нашей Земли?

– Да, с нашей, родной стороны. Откуда ж ещё? Если бы ты видел одежду, которую делают местные жители! Я имею в виду людей. Так вот эту одежду даже я бы носить не стал. Тихий ужас.

– Так тот же, который там, на площади, он был одет. В костюме. Такой – коричневый.

– Друг! Ты ещё не понял? Это маскировка. Нет никакого костюма. Он принимает привлекательный вид – для таких, как ты. Нас, людей, эти ксеноморфы приспособились ловить на раз-два. Вот только по уровню развития они находятся чуть выше обезьяны. Ну, посуди сам, разве цивилизованный человек может кайфовать от того, что кто-то по его приказу такое с собой вытворяет?

– Только маньяк какой-нибудь.

– Вот именно. А ЧСДГ – это обычный представитель одного из местных подвидов. И его «приличный костюм» – это всего лишь оболочка. Он может её менять, подстраиваясь под объект атаки. Сворачивать, разворачивать, цвет подбирать. Очень продвинутый хамелеон.

– А что за люди тут живут?

– Ситуация не совсем понятная. Похоже на то, что люди с Земли стали перемещаться сюда много лет назад, и кто-то из них смог выжить. Заметь, здесь не так много реальных хищников – в нашем понимании. Я про настоящих животных. Тех, которые кусаются, царапаются, грызут – и всё такое прочее. То есть, они, конечно тоже есть. Но какие-то неопасные. А вот эти, «гипнотизёры» Тут дело совсем другое.

– Это правда, как гипноз?

– Нет. При гипнозе ты получаешь приказ и выполняешь его, но внутренне, подсознательно ты можешь протестовать. Ты действуешь, как автомат под контролем чужой программы. А здесь ты внутренне страстно желаешь совершить что-нибудь чудовищное – с тобой самим. Я же тебе говорил. ЧСДГ вызывает у тебя такой экстаз, что ты можешь сотворить, что угодно – и при этом будешь на вершине счастья. И это будет самое настоящее, чистое и светлое блаженство. Жертвуешь собой «во имя любви».

– Ты правду сказал, что я могу съесть себя?

– Ага, прямо с косточками: ничего не останется. Ладно, не тупи, это невозможно. Но попытаться можешь. Видел я такой «фокус». Человек вцепился себе в руку и почти отгрыз её – а при этом смотрел, смотрел на того урода, не отрывая глаз. А ведь это нелегко – человеческими зубами рвать сырое мясо.

– Съел свою руку? – с ужасом спросил Юра.

– Не успел. Истёк кровью и потерял сознание. У нас нет защиты от таких вот хищников, когда они на воле. Любой из нас, приближаясь к нему, может стать жертвой. Захват твоего внимания происходит мгновенно. Единственная защита – большая дистанция, ну и моя летающая будка конечно.

– Вот та железная тумба?

– Давай так – ты всё-таки оденешься. Потом поужинаем, чем бог послал. А потом уже я тебе объясню всё, что смогу.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.